

Амбивалентность отношения к смерти во Второе Средневековье и в массовой культуре постмодерна

Н. В. МИНЬКОВА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье проанализировано сходство отношения к феномену смерти в культуре Средневековья XIV–XVII вв. и современной культуре, выраженное в одинаковых сценариях и характеризующееся амбивалентностью, проявляющейся в «желании прекрасной жизни» как практики отрицания собственной смерти и в потребности подглядывать за смертью Другого.

Ключевые слова: смерть, Средневековье, массовая культура, макабр, смерть Другого.

The Ambivalence of Attitude to Death in the Second Middle Ages and in the Mass Culture of Postmodern

N. V. MINKOVA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In the article the author analyzes the similarity of attitude to the phenomenon of death in the medieval culture of the XIV–XVII c. and in the modern culture. It is expressed in equal scripts and characterized by ambivalence, which appears in the “desire for a beautiful life” as the practice of negation of own death and the need to watch a death of the Other.

Keywords: death, the Middle Ages, mass culture, macabre, death of the Other.

Современная ситуация характеризуется кризисами рациональности, идентификации, науки, культуры и др. Поиски выхода из совокупности кризисов осуществляются как на уровне элитарной, так и на уровне массовой культуры доступными средствами и в понятных формах. Отечественная и зарубежная философская мысль (Ж. Бодрийяр, А. Чучин-Русов, В. Савчук, Т. Артемьева, А. Демичев, М. Уваров, А. Генис, П. Слотердаик, В. Курицын, Г. Тульчинский, В. Турчин, Н. Абалаков, М. Эпштейн, Д. Хапаева, У. Эко, Р. Вакка, Э. Дэвис, М. Элиаде, Р. Барт и др.) характеризует период духовной нестабильности современного общества как «уход... к мимесису предков» (Тойнби, 2004: 372), выражая это состояние через определения «новая архаика» или «новое Средневековье», где в качестве объединяющего концепции принципа выступают такие аспекты массовой культуры конца XX — начала XXI в., как всплеск религиозности, обнаружение сакрального в реальном, по-

строение магической картины мира. На наш взгляд, медиакультура постмодернизма объединяет и архаические, и средневековые элементы и является отражением ситуации, возникшей в западноевропейской культуре («Второе Средневековье») в период XIV — середины XVII в.¹, обнаруживая сходства в мировоззрении, практиках, образах и формах.

Одной из точек пересечения культур является «макабрическое» видение смерти. Культура макабра синтезировала традиционные идеи о бренности всего живого, включенного в круговорот природы, картины угасания жизни и новые образы воплощения смерти. Острый и поражающий воображение образ смерти становится ведущим в духовной культуре, искусстве и повседневной жизни. Макабрическая тематика представляла в надгробиях, фресках, театрализованных проповедях, иллюстрациях к часословам, в хранении атрибутов смерти и др. Массовая культура как в экранном, так и в бытийном

* Минькова Наталья Валерьевна — аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 564-90-64. Эл. адрес: natalia_minkova@mail.ru

варианте возродила макабр, отличающийся от ренессансного использованием достижений технологий². Обе культуры в силу специфического психологического климата высказывают амбивалентность по отношению к самой жизни, совмещая в едином культурном пространстве карнавал и смерть. В противоречивости, в борьбе противоположностей — низменного и сублимированного, телесного и духовного, смерти и жизни — как характеристики переходности и заключается важное сходство двух сравниваемых культур. Современный макабр представлен в некрофильских (по Э. Фромму) тенденциях и макабрической символике, нашедших выражение в кино- и видеоиндустрии, в новостных блоках и авторских программах, в текстильной и пищевой промышленности, товарах для детей, субкультурах, музыкальной культуре и т. д. Сходство двух волн макабра состоит в амбивалентности отношения к смерти и проявляется в сценариях *dance macabre*, *memento mori*, «триумф смерти», характеризующихся эротизацией, натурализацией, публичностью, внезапностью, коллективностью, персонификацией смерти и др.

Й. Хейзинга, анализируя настроения человека Позднего Средневековья, указывает на контрастность жизни, инвариантность ее форм, затрагивающих чувства, разжигающих страсти, «проявляющиеся то в неожиданных взрывах... зверской жестокости, то в порывах душевной отзывчивости» (Хейзинга, 2004: 14). Релятивизм в этике, множественность истин, гедонизм, «культивирование» архаических практик (Савчук, 1995: 9), высвобождающих бессознательное, и другие приобретения постмодерна привели к массовому заказу на насилие, эротику, праздник и смерть.

Возникновение/возрождение макабрической тематики обусловлено рядом внешних причин: в Средневековье обращение к данной теме было связано с распространением болезней, войн и с проповедями монахов, сегодня восприятие смерти детерминировано научно-техническими достижениями, спо-

собствующими борьбе с болезнями и старением, угрозой военных столкновений, терактов; природными и техногенными катастрофами, манипуляциями в области генетики, а также обусловлено постнеклассической философией, признающей равноправие дискурсов, поливариантность прочтений и отказ от каких-либо норм при анализе феномена смерти. Внутренняя причина настойчивого обращения к теме смерти связана с индивидуалистическим мировосприятием (ренессансным и современным, как спутника глобализации и последствия распада идеи коллективного строительства), характеризующимся ощущением полноты бытия и страстной жаждой жизни, и кроется в нежелании «ставить под вопрос свое «естественное» бессмертие» (Бодрийяр, 2006: 310).

Амбивалентность отношения к смерти проявляется в одновременности «желания прекрасной жизни» как практики отрицания собственной смерти и в потребности подглядывать за смертью другого.

Отрицание смерти, по мнению ряда исследователей, является важной характеристикой и новшеством современной культуры. Нам больше импонирует точка зрения М. Уварова, указывающего, что речь идет не об изъятии смерти, а о непонимании ее сути, в результате чего возникает новый символический код, смысл которого автор определяет как изъятие смерти в культуре. Постмодернизм представляет смерть как культурный продукт, имидж, ресурс получения удовольствия, обращенный к страхам и скрытой деструктивности человека — на реальную смерть наложено табу, она заменяется игрой на тему смерти и ее симулякр. Следует добавить, что средневековый макабр также не имел ничего общего с реальной смертью. Как отмечал Ф. Арьес, «то, что показывало искусство *macabre*, было как раз тем, чего не было видно, что происходило под землей, скрытая работа разложения, не результат непосредственного наблюдения, но плод воображения» (Арьес, 1992: 136).

Избегание смерти выражается вращением культуры вокруг тем отвращения к старости

и жажды жизни (Й. Хейзинга). Позднесредневековая литература рисует отталкивающие образы стариков, воплощающих наступающую смерть, гиперболизировано описывая признаки разложения еще живой плоти. Технологическое развитие позволяет идти дальше констатации факта старения и предлагает бороться с ним как с атрибутом смерти, представляя старость как пережиток прошлого, утверждая, что быть старым неприлично, и порождая дискурс телесности. Неосознанное желание обрести господство над временем и избежать смерти, в котором М. Элиаде видит важнейший архетип, неизбежно обостряется в эпоху развития технологий. Иммутология (И. Вишев), ставя целью трансформацию «Гомо сапиенса» в «Гомо имморталис», предостерегает от «глухой смерти» на пути к практическому бессмертию, иллюзию скорого обретения которого представляют разработки в области геной инженерии и медицины. Другим аспектом упразднения смерти является «шантаж безопасностью» (Ж. Бодрийяр) как форма социального контроля. По словам Ж. Бодрийяра, «огромная по масштабам коммерция вокруг смерти — больше не признак благочестия, а именно знак упразднения, потребления смерти» (Бодрийяр, 2006: 318). Борьба со старением и отсрочивание смерти, обещаемые в ближайшем времени современной наукой, порождают страстную любовь к жизни, «болезненное сознания гибели, на которую обречен каждый человек», что согласно Ф. Арьесу (Арьес, 1992: 139) проявляется в образах смерти.

Страстная любовь к жизни, возродившаяся в культуре постмодерна, была характерной чертой и Второго Средневековья, о чем свидетельствует история искусства и привязанность к вещам (Арьес, 1992: 141). Введенное Й. Хейзингой понятие «желание прекрасной жизни» выражает мотив эстетизации жизненной среды и способствует превращению будней в праздник. Окружение себя «прекрасными» вещами, не имеющими функционального назначения, обернулось в современной культуре гонкой за матери-

альными благами, мифологизированными массовой культурой в образах идеальной женщины / идеального мужчины, идеальных семьи и дома, работы и досуга. «Стопроцентная карнавализация жизни» (Эко, 2007: 142) сигнализирует о страстной любви к жизни. Гротескное наслаждение жизнью порождает понимание ее цели как получения всех мыслимых удовольствий. Таким образом, *memento mori* и *memento vivere* являются двумя сторонами одного явления.

Другой стороной отношения к смерти в оба периода является любовь к смерти. И если «жажда жизни» относится непосредственно к субъекту, потребляющему ее блага, то интерес к эксгибирующей смерти необходимо рассматривать через понятие «смерть Другого», имеющее в философии неоднозначную трактовку. Ф. Арьес, Г. Марсель, Э. Левинас, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр считают переживание смерти Другого более трагичным, чем собственной. З. Фрейд, М. Хайдеггер, В. Янклевич, М. Кагель, напротив, считают подобный опыт не дающим ничего для понимания собственной смерти. Воспользуемся понятием смерти «третьего лица» (Янклевич, 1999: 33), абсолютно безразличной и абстрактной, например, преподносимой в виде картинки на экране или набора букв в печатном издании, притягивающей неестественностью. Смерть Моя есть экзистенциальная проблема, смерть Другого — социальная, и только смерть в первом лице всецело захватывает человека. Бессознательно человек наделяет себя личным бессмертием, поэтому располагаемая вокруг нас смерть наблюдается только извне, сопутствует нам, но не имеет с нами никакой экзистенциальной связи, так как человек может существовать только в этом, постороннем мире, никогда не переходя его границу. Визуализированная смерть — это всегда смерть Другого, при которой человек склонен испытывать воодушевление, поэтому, обращаясь к теме «не моей» смерти, современная культура предлагает замену «переживания смерти» удовольствием от подглядывания за смертью Другого, ха-

рактизирующимся возбуждением и жестокостью.

В жестокости Средневековья (Б. Рассел, Ж. Делюмо, Й. Хейзинга) присутствовали «болезненная извращенность», «животное, тупое веселье толпы, которое здесь царит, как на ярмарке» (Хейзинга, 2004: 32). Средневековье в изобилии показывало пытки и казни, «чтобы сделать народу приятное», поскольку грубое участие в подобных зрелищах было «важной составной частью духовной пищи народа» (Хейзинга, 2004: 15). Имея смысл нравоучительного действия, этот спектакль удовлетворял и садистские наклонности толпы, приведшие впоследствии к количественному моменту. Садизм был в порядке вещей: Ж. Делюмо приводит пример с выкупом жителями Монса разбойника, с тем чтобы он был четвертован; у него же находим упоминание об издании XVI в. о пытках «Театр зверств еретиков». Современным примером присутствия при реальной смерти является «Оргийно-мистерияльный театр» австрийца Г. Нитча. Современные «некрофилы», испытывающие страстное влечение ко всему больному, мертвому и разлагающемуся, которых «влекут к себе тьма и бездна» (Фромм, 2006: 13), пытаются эстетизировать жестокую смерть. «Кровавая похоть», граничащая с сексуальным, удовлетворяется в массовой культуре через натурализацию смерти, игру с мертвым телом, вырванным из сакрального и социального контекста, что оборачивается патологическим и этически недопустимым действием. Современным ресурсом некрофилии являются Интернет, телевидение, видеоигры, направленные и на удовлетворение детских потребностей в жестоком, ужасном и мертвом, возрождая средневековую традицию присутствия детей на казнях с пытками.

Пропорциональное нарушение в массовой культуре между рациональным и иррациональным, нормальным и патологическим обнаруживается в интересе к «насилственно-катастрофической» смерти, притягательной, по словам Ж. Бодрийяра, по причине вовлечения в группу, а не удовлетворения

чьего-то мелкого индивидуального сознания. Ж. Делюмо указывает на тесную связь между макабром и коллективной эсхатологией (Делюмо, 2003: 116). Сценарий коллективной смерти, выраженный в случайном, непредвиденном, а часто и абсурдном уничтожении группы людей, является возрождением средневекового сюжета «триумфа смерти». Тема «судного дня», ставящего перед лицом смерти человека как вид, а не как индивида, приносит некое ослабление страха смерти посредством снятия необходимости уходить из жизни в полном одиночестве. Основанная на христианском видении мира европейская культура движется к концу по линии, маркированной как нерелигиозными, так и религиозными пророчествами о неизбежной коллективной жертве природе и технике.

В оценке явления предоставления потребителю возможности удовлетворения потребности во влечении к смерти существует две позиции. С одной стороны, визуализация смерти вызывает «жертвенный катарсис», обладает «способностью заражать и тем самым очищать людей, приостанавливать неупорядоченное насилие» (Савчук, 1995: 19), агрессивное влечение может трактоваться как инстинкт самосохранения. С другой стороны, анализируемое явление вызывает опасения, высказанные Ж. Делюмо относительно средневековой культуры: «Все начиналось с распятий, бичеваний... а пришло к явно извращенным сценам пыток, казней и массовых убийств. От морального и религиозного нравоучения докатились до садистского удовольствия» (Делюмо, 2003: 148).

Амбивалентность отношения к смерти в эпоху постмодерна обслуживается массовой культурой через удовлетворение стремления человека к Танатосу и через культивирование страха смерти, являющееся как социальной практикой, так и коммерческим проектом. Zapping, позволяющий быстро охватывать направленность потока информации, как нельзя лучше иллюстрирует двойственность отношения к смерти, отраженного

в массовой культуре. Переключение между предоставляемой массмедиа информацией демонстрирует ее структуру как двоичного кода: сигнал / отсутствие сигнала — жажда жизни / смерть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор статьи придерживается концепции «долгого Средневековья».

² Следует заметить, что мы не говорим об обращении современной массовой культуры исключительно к смерти, равно как представляется неверным утверждение об исключительном наслаждении жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбес, Ф. (1992) Человек перед лицом смерти : пер. с фр. / общ. ред. С. В. Оболенской ; предисл. А. Я. Гуревича. М. : Прогресс-Академия.
- Бодрийяр, Ж. (2006) Символический обмен и смерть. М. : Добросвет.
- Делюмо, Ж. (2003) Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та.
- Савчук, В. (1995) Кровь и культура. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Тойнби, А. (2004) Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Айрис-пресс.
- Хейзинга, Й. (2004) Осень Средневековья / пер. с нидерланд. Д. В. Сильвесторова. 4-е изд. М. : Айрис-пресс.
- Фромм, Э. (2006) Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М. : АСТ ; АСТ Москва.
- Эко, У. (2007) Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М. : Эксмо.
- Янклевич, В. (1999) Смерть. М. : Изд-во Литер. ин-та.

Из хроники научной жизни

25 февраля 2010 г. в Московском гуманитарном университете состоялось 21-е заседание Русского интеллектуального клуба, на котором обсуждалась тема «Литературный процесс в современной России». Открыл заседание президент Русского интеллектуального клуба профессор И. М. Ильинский, который раскрыл особую актуальность обсуждаемой темы для понимания ситуации в стране и в мире. С докладами выступили А. Ю. Большакова, доктор филологических наук, член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации ФС РФ, секретарь Правления Союза писателей России, и С. Н. Есин, лауреат Бунинской премии, писатель, доктор филологических наук. В дискуссии участвовали члены русского интеллектуального клуба Ю. Ю. Болдырев, А. А. Лиханов, Вл. А. Луков, В. М. Межуев, И. А. Михайлов, А. И. Фурсов, Л. И. Шершнева, а также эксперты, среди которых лауреаты Бунинской премии В. И. Десятерик, А. А. Проханов, доктора филологических наук из Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Литературного института им. А. М. Горького и других научных и образовательных организаций.